

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ НА АМЕРИКАНСКОМ ФРОНТИРЕ¹

Якушенкова Оксана Сергеевна, учитель истории

Школа «Ювенес»
125475, Россия, г. Москва, Клинская, 18, к. 1, кв. 86
E-mail: ninawari@yandex.ru

Статья посвящена вопросу изменения гендерных ролей на американском фронтире в XIX в. Новые задачи, которые вставали перед женщинами в рамках культурного диалога зачастую становились причиной маскулинного поведения и утраты женской идентификации. В статье рассматриваются случаи гендерной трансформации гендерных ролей под влиянием новых факторов фронтирных культурных процессов.

Ключевые слова: культурный диалог, фронтир, гендерные роли, Мария Гертруда Барсело, Алиса Покер, Каламити Джейн

TRANSFORMATION OF GENDER ROLES ON THE AMERICAN FRONTIER

Yakushenkova Oksana S., teacher of history

Moscow secondary school "Uvenes"
Transformation of Gender Roles on the American Frontier
125475, Moscow, Klinskaya St., 18-1, apt. 86
E-mail: ninawari@yandex.ru

The article is devoted to changes of gender roles on the American frontier in the 19th century. New tasks that are faced by women in the framework of the cultural dialogue were often the cause of masculinity behavior and loss of women's identification. The article considers the cases of gender transformation, which being the exception rather than the rule, however are responsible for the formation of a frontier culture.

Keywords: cultural dialogue, frontier, gender roles, Maria Gertrudis Barcelo, Alice Poker, Calamity Jane

Культурный диалог – это одна из важнейших составляющих развития человеческого общества. Ни один народ, ни одна страна не смогли развиваться вне этого сложного процесса. В разные периоды он принимает различные формы – от военных конфликтов до тесного мирного культурного сотрудничества. Анализ этих форм остается насущной проблемой для понимания процессов развития культур различных народов и цивилизаций.

История культуры США не исключение. Это непрерывная череда культурных контактов в процессе освоения нового континента. Основной характерной чертой этого процесса явилось столкновение двух или даже нескольких цивилизаций, сильно отличающихся друг от друга. Это различие чаще всего приводит к конфликту, следствием которого является разрушение культуры или цивилизации, менее приспособленной к этому диалогу и выживание той культуры или цивилизации, которая на этот диалог способна. Изучение этого культурного диалога и его различных форм может помочь лучше понять как прошлое Соединенных Штатов, так и процессы, происходящие в современной истории этой страны. Аборигенные культуры были разрушены, и в начале XX века казалось, что они канули в прошлое, но диалог культур на этом не закончился. Он продолжает проявляться повсеместно в самых различных сторонах американской жизни: в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве, общественной мысли и т.д.

¹ Статья опубликована при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «2012-1.1-12-000-3003-056» «Культурная память и культурное наследие фронта».

Введение в научный обиход понятия фронта, как географической и исторической категорий этого диалога, помогает глубже взглянуть не только на историю США, но и на отечественную историю, в которой имелось множество своих фронтов в различный период формирования нашего государства.

Кроме этого, традиционные подходы к изучению культурного диалога в США длительное время выражались в исключении многих участников этого процесса (самых индейцев, женщин, иммигрантов неанглосаксонского происхождения и т.д.) Введение в исследование гендерного подхода помогает шире взглянуть на процессы культурного диалога на фронте, как в США, так и в нашей стране.

Анализ американского фронта в различные периоды его развития демонстрирует его типологическое разнообразие. Ранний фронт в Новой Англии XVII века, особенно в его гендерном аспекте, значительно отличался от раннего фронта XIX в., располагавшегося за Миссисипи. Этому имеется множество причин, как внутренних, так и внешних. Фронт никогда не был статичной полосой или территорией неосвоенной земли, несмотря на данное Ф. Тернером определение [10, с. 1]. Фронт постоянно менялся, менялись его климатическое, географическое и этническое своеобразие. Но главное, что субъектами (т.е. фронтисменами) фронта были постоянно разные люди, с разными идеями, разными моральными и религиозными убеждениями и традициями. Особенно заметно это в отношении женщин. То, что позволялось женщинам в середине XIX в. в США, кардинальным образом отличалось от общественных норм женского поведения в XVII–XVIII вв. В середине XIX в. американские женщины в силу самых различных причин стали пользоваться большей свободой, часто примеривая на себя мужские роли. Правда, это еще не означало, что в целом общество начало относиться к такому поведению женщин толерантно или, что женщины выступали против своего приниженого положения. Как пишет Мери Родд Фёрби в своей книге «Неистовые женщины фронта», «викторианское общественное мнение, которое преобладало в «цивилизованном» обществе, полагало, что женщины были зависимыми, слабыми и не очень умными. Единственным, чем должна была обладать женщина – это природной добропорядочностью, которая делала её хорошей матерью (а если она была незамужней, то учителем или санитаркой)» [3, с. VI].

Ну а некоторые протестантские фундаменталисты в США шли еще дальше, объявляя женщину средоточием зла, исходящего из ее дьявольской природы [11, с. 35, 54–71]. Ей приписывались все земные грехи: злобность, ворчливость, склонность к злословию, эгоизм, непостоянство. Особый упор делался на пристрастии женщин к сплетням, ворчливости, вздорности и ругани. Для таких женщин даже был изобретен особый термин – scold со значением «сварливая женщина», мегера или ведьма. То, что этот термин выступал синонимом слова «ведьма», отнюдь неслучайно. Процессы над ведьмами стали обычным явлением в истории Новой Англии. Широкую известность получил Салемский процесс над ведьмами, хотя он не был единственным. Подобные судебные преследования женщин, обвиненных в колдовстве, встречались и раньше, и позже [1; 4].

Вступление субъектов культурного диалога в собственно фронтальную фазу ставило перед женщинами новые задачи, поэтому в этот период для белых женщин и для индейцев часто характерно маскулинное поведение, что совершенно отсутствует в период предфронта и постфронта. Ни в первый, ни в третий период женщины не склонны к маскулинной модели, они в большей мере трансляторы своих культур, пытающиеся донести до противоположной стороны свои ценности. В данной статье мы остановимся лишь на одном проявлении культурного диалога, повлекшим за собой изменение гендерных ролей на фронте.

На изменение гендерной картины на фронте существенно повлияло появление торговых, а затем военных фортов. Так как форт мог гарантировать больше безопасности проживающим, а также находился ближе к «цивилизации», сюда потянулись и другие «герои» фронта, готовые пожить за счет трапперов.

Теперь и женщина могла найти себе место в подобных фортах, обеспечив себя какой-то работой, а значит и заработком. Правда, фронт не представлял женщине

уж очень много возможностей. Да и прочие ее профессиональные достижения не ценились в подобных городах. Здесь не были нужны ни учителя, ни медсестры. Вот мужчины-врачи, в силу сложностей фронтальной жизни, не оставались без работы, но никто не нуждался в медицинских сестрах.

Женщина могла найти здесь работу или как проститутка, прачка, прислуга, певица, актриса или, отказавшись от своей гендерной принадлежности, перейти к мужскому труду (охота, фермерство, профессиональная игра в покер и т.д.), или, утратив свою женскую идентификацию, «стать» для окружающих мужчиной. И хотя такая гендерная трансформация являлась скорее исключением, чем правилом, но именно из-за исключительности имени этих женщин и стали нам известны в первую очередь. Несмотря на их немногочисленность, именно своим экстравагантным поведением они влияли на формирование фронтальной культуры. Особенно явно подобные примеры проявлялись в южных территориях испанского фронта, которые в 1848 г. присоединились в США.

Одним из подобных примеров может служить биография доньи Марии Гертруды Барсело (1800?–1850), вошедшей в историю под именем доньи Ла Тулес. Она происходила из семьи богатых ранчеро из Соноры. В 1823 г. она вышла замуж за знатного испанского дворянина дон Мануэля Антонио Сисенроса и переехала в Санта Фе, где купила собственность в этом городе. Вместе с мужем они приобрели небольшой отель, на первом этаже которого и открыли игорный зал. Как пишет М.Р. Ферби, «о ее муже мало что известно, а документы того времени редко упоминают его имя, так как Ла Туле предпочитала сохранять свою независимость и сама вести свои дела» [3, с. 14].

И хотя отель и игорный зал в Санта Фе того времени было не самым лучшим бизнесом для женщины, она смогла выжить и даже приумножить свою собственность. В скором времени значительная часть собственности в Санта Фе принадлежала Ла Туле.

Город, расположенный на известном тракте, носящем название тракт Санта Фе, привлекал множество искателей счастья, и вместе с городом приумножалось богатство и слава Ла Туле. Особенно хорошо дела пошли после присоединения этой территории к США. Ла Туле упрочила свои позиции среди американских офицеров еще во время военных действий с Мексикой, давая им в долг деньги, а после аннексии стала еще более влиятельной, построила огромный отель в центре города, недалеко от дома губернатора, а её игорный зал стал ещё больше и красивее. Слава о ней выходила далеко за пределы Санта Фе. Ла Туле всегда держала банк, если за столом сидели солидные игроки. Хотя в истории фронта известно множество случаев, когда женщины профессионально занимались игрой в покер, но им никогда не доверяли раздачу карт или контроль за деньгами. Дельцы карточного бизнеса давно осознали, что если за карточным столом сидит женщина, то мужчины ведут себя совершенно по-другому: менее внимательно, играют рискованно и не так агрессивно. Поэтому ряд салонов стали привлекать женщин к игорному бизнесу. Но чаще всего женщина участвовала в этом очень пассивно, являясь лишь приманкой для посетителей. Никому не пришло бы в голову ставить ее во главу стола – это было делом очень ответственным и даже опасным. Но Ла Туле справлялась с этим делом великолепно.

Перед смертью она пригласила к себе католического епископа Санта Фе и потребовала для себя похорон, достойных королевы [3, с. 18]. Епископ не нашел, что возразить, так как она, не имея наследников, завещала свое огромное состояние католической церкви.

Конечно, биография Марии Гертруды Барсело явилась скорее исключением, чем правилом, однако, её пример показывает, что общество фронта было готово смириться с подобным поведением женщины, и даже напротив – подобные женщины привлекали мужчин, меняли их, а принимая во внимание факт финансовой помощи Ла Туле американскому генералу Стивену Уоттсу Кирни (Stephen Watts Kearny (1794–1848)), можно с уверенностью говорить и об её непосредственном участии в истории освоения фронта.

И все же, как нам кажется, факт ее помощи американцам в захвате мексиканской территории является лишь фактом частной биографии. Важнее то, что подобные эксцентричные женщины формировали особый культурный фон фронта, задавали тон. О них говорили, их ставили в пример, на них равнялись, им подражали, их имена становились достоянием истории.

Даже поверхностное изучение подобных биографий убеждает нас, что кроме Ла Туле были и другие, чье поведение казалось более экстравагантным, достаточно упомянуть англичанку Алису Айверс, прозванную «Алисой Покер», родившуюся в год смерти Ла Туле. Алиса Покер прославилась еще более мужским характером: курила сигары, не расставалась с револьвером, даже убила одного из игроков, напавшего на ее компаньона и будущего мужа У.Г. Таббса. Ее уважали за решительность и за честность в игре. Несмотря на постоянные выигрыши, она ни разу не была уличена в мошенничестве. Умерла Алиса Покер в 1930 г., так и оставшись живой легендой. Ее образ воодушевил многих писателей и сценаристов на отображение подобной героини в литературе и кинематографе.

Еще более резкую смену гендерной парадигмы мы находим в поведении Шарлоты Паркхёрст (1812–1879), прозванной Одноглазым Чарли. Она была одним из самых лучших кучеров компании «Оверленд мейл» («Компания сухопутных почтовых перевозок»). Эта компания была создана в 1858 Дж. Баттерфилдом для почтово-пассажирских перевозок из центра страны на Дальний Запад и к Тихому океану. К 1866 г. у компании было 250 дилижансов типа «конкорд». Как правило, в подобные кампании нанимали сирот, готовых рисковать своей жизнью, терпеть невзгоды. Они должны были быть небольшого роста, уметь управлять дилижансом, который тянула упряжка 4–6 лошадей. Только очень опытные кучеры могли управлять упряжкой из 6 лошадей, и Одноглазый Чарли была одна из них. Никто из ее коллег не догадывался, что Чарли женщина. До самой смерти ей удавалось сохранить свою половую принадлежность в секрете. Она даже пыталась унести свой секрет в могилу, завещая похоронить ее в своей старой одежде, но при обмывании этот секрет раскрылся, породив всевозможные сплетни.

Но Шарлота Паркхёрст была не единственной женщиной переодетой в мужчину. Подобным образом поступила известная Канэри Берк, она же Марта Джейн, прозванная «Стихийное бедствие» (Calamity Jane) (1852?–1903)). Еще в раннем детстве она переселилась с родителями на Дикий Запад, но рано осиротела, научилась прекрасно скакать на лошади и стрелять; одевалась, пила и ругалась, подражая мужчинам. Свое прозвище она получила за частые столкновения с мужчинами, которые, как ей казалось, вели себя с ней неподобающим образом. Как и Одноглазый Чарли, Стихийное Бедствие Джейн также работала водителем почтового дилижанса, фермером, ковбоем и т.д.

Переодеться в мужскую одежду пришлось и Элизабет Ньюком (Elizabeth Newcome), служившей в американской армии во время мексиканской войны. Но после 10 месяцев службы она была разоблачена и уволена из армии. Правда, позднее Конгресс по достоинству оценил её героизм и передал 160 акров земли за ее заслуги перед американским народом.

Другой американке Саре Боргинис не пришлось переодеваться, так как она служила поварихой в фоте Техас, но когда мексиканские войска начали обстреливать форт, генерал Захари Тейлор вручил ей ружье и произвел ее в полковники [2, с. 146]. После увольнения со службы она содержала несколько отелей в Эль Пасо (Техас) и Юме (Аризона), а после ее смерти в 1866 г. была похоронена со всеми воинскими почестями.

После Гражданской Войны расовая ситуация на фронтире изменилась, и теперь не только белые женщины могли отстаивать свое право быть наравне с мужчинами. Теперь это право «получили» и чернокожие американки. Не анализируя специально роль афроамериканок на фронтире, мы не можем ни упомянуть Мэри Филдс (“Stagecoach” Mary Fields (1832–1914)), прозванной «Дилижанс-Мэри». Она прибыла

на Дикий Запад с одной целью – быть свободной и очень активно отстаивала своё право, не расставаясь с ружьем [7, с. 16]. Ей не раз приходилось пускать его в ход, доказывая свою правоту и независимость белым мужчинам.

Правда, Мэри Филдс начала свое постижение Дикого Запада с совершенно другой работы – она, как и многие другие женщины на фронтире, попыталась заняться общественным питанием и организовала небольшой ресторанчик, но быстро разорилась. М. Филдс была очень доброй и часто кормила бедных бесплатно, не беря с них ни пенни. Вместе с тем, она могла одним ударом выбить из ресторана клиента, не способного заплатить по счету. Именно неудача с рестораном в конечном итоге заставила ее устроиться на почтовый дилижанс.

Но все эти примеры являются с одной стороны демонстрацией гендерных тенденций маскулинности на фронтире, а с другой, показывают, что всё же и в этих тяжелых условиях фронтира очень часто женщины пытались сохранить свою женскую природу. Просто этот период фронтирной истории требовал от женщин иных моделей поведения в специфичной маскулинной среде.

Множество фактов показывают, что часто женщина оказывалась более успешной в этих тяжелых условиях, чем мужчина. Именно Шарлота Паркхёрст получила работу, хотя вместе с ней проходили отбор еще несколько мужчин, но предпочтение было отдано ей. Когда муж Лузены Стенли Вильсон (Luzena Stanley Wilson (1821–18??)) отправился в Калифорнию, она упростила его взять ее с собой [5, с. 130]. Благодаря ее способностям, они смогли наладить свой бизнес, в то время как самостоятельные попытки её мужа заработать оказались безрезультатными. Лузена Вильсон была первой американкой, достигшей Калифорнии вместе со старателями. Именно здесь, пользуясь тем, что она была первой женщиной на этой территории, она открыла сначала хлебопекарню, а потом и ночлежку для старателей.

Подобные примеры не являются единичными, но вряд ли их можно назвать массовыми. В любом случае они демонстрируют удивительную способность женщины адаптироваться к суровым условиям фронтира, искать новые способы и методы выживания, выполнять несвойственную ей гендерную функцию. Но такое «экстремальное» поведение мы находим в основном на первых стадиях освоения фронтира, именно в тот период, когда численность женщин на фронтире минимальна или они сами представляют из себя маргинальное население в культурном плане. К подобным маргиналам мы относим Ла Туле, Дилижанс-Мэри и подобных им. Ла Туле была испанской аристократкой, а Дилижанс-Мэри – негритянкой. В их поведении явно заметно стремление выйти за традиционные модели поведения в новых социальных и культурных условиях фронтира. Вряд ли Дилижанс-Мэри могла бы вести себя подобным образом в Новой Англии или в южных штатах, а Ла Туле невольно вступила бы в конфликт с традиционным испанским обществом в той же Калифорнии, где она родилась. Фронтир представил им новые формы для реализации, подстегнул их бунтарский дух, развил инициативу и тем самым «ввел» их в историю.

Увеличение численности женщин на фронтире постепенно выравнивало гендерную ситуацию, приближая ее к традиционному обществу, но не делая ее равной ему. Особая ситуация фронтирной жизни создавала неповторимый колорит социальных, экономических и гендерных отношений.

После 50-х гг. и особенно после Гражданской войны на территорию фронтира потянулись новые переселенцы. Теперь это были совершенно другие люди. Они не умели охотиться или разводить скот, но они умели и хотели обрабатывать землю. Все чаще эти люди даже не говорили на английском языке, так как приезжали сюда не из Восточных штатов, а из Германии, Швеции, Австрии и даже Китая [6, с. 160].

Конечно, жизнь фермера была очень тяжелой, но некоторые женщины не только справлялись с фермерской работой, но и приумножали свою собственность, ни в коей мере не завися от мужчин. Между прочим, подобная ситуация существовала и на предыдущем, восточном фронтире, когда многие женщины обзаводились землей, а затем активно переходили к спекуляции земельными участками. Источники XVIII

века рассказывают нам о Элизе Лукас, успешно управлявшей огромными земельными владениями в Каролине, принадлежавшими ее отцу. Она смогла наладить свой бизнес и стала ведущим продавцом индиго в Каролине [8, с. 261]. В XIX в. одна европейская путешественница с удивлением замечала, что очень многие женщины на Западе занимаются куплей-продажей земли, и их часто можно встретить на земельных аукционах. Из 65 женщин учительниц Лос-Анджелеса, замечала все та же путешественница, почти все владели земельными участками [8, с. 262].

Конечно, последний факт может свидетельствовать не столько в пользу того, что они занимались спекуляциями, сколько в пользу того, что земельная собственность была для них существенным символом благосостояния. Видимо, земля продолжала считаться главным символом богатства на Западе, именно поэтому все и стремились её приобрести. Важно и то, что учительский труд не был уж столь оплачиваемым, и сам факт того, что учителя владели землей, вызвал у европейской путешественницы живой интерес.

Но для некоторых женщин даже небольшой клочок земли был пределом мечтаний. Их уделом было жалкое прозябание в публичных домах фронтирных городов. Проститутки появились на фронтире достаточно поздно. Правда, в южной части фронта, его испанской составляющей, там, где города возникли еще раньше, они были уже неотъемлемой частью мексиканской жизни. На севере фронта публичные дома открылись значительно позднее, после Гражданской войны. Как правило, они делились на три категории: элитные, те, кто обслуживал крупных фермеров, землевладельцев и т.д., среднего уровня, проживавшие в крупных фешенебельных салонах, и самого низшего уровня, находившиеся под контролем сутенёров. Значительная часть проституток последней категории были китайками [9, с. 115]. Многих из них продали их сутенёрам их же родственники. Сутенерами никогда не были китайки или китайцы. Конечно, проститутками были не только китайки, но и представители других народов.

Хотя фронтир и оставался во второй половине XIX в. преимущественно мужским делом, женщины все более становились неотъемлемой частью фронтирной жизни. Как и мужчин, Дикий Запад манил их своими возможностями. Очень быстро мужчины осознали все благополучие существования женщин рядом с ними. Литература о фронтире полна случаями, когда очередная жертва беспечности мужа и его неспособности прокормить семью вдруг самостоятельно добивалась благосостояния на новой земле по воле случая за счет своего умения печь хлеб или булочки. Среди подобных героинь можно назвать уже упомянутую Лузену Стенли Вильсон в Калифорнии или Анни Грин из Колорадо [9, с. 104]. В обоих случаях посторонние мужчины, привлеченные запахом горячего хлеба, предложили им большие деньги и попросили печь такой хлеб для них и дальше, чем и заложили основу их семейного бизнеса.

Эта тоска по дому (= домашнему хлебу), семье очень часто становилась непреодолимой, что заставляло мужчин изменять свое отношение к женщинам.

Таким образом, история белой женщины на Трансмиссисипском фронтире сложна и многообразна. В значительной мере роль белой женщины здесь разительным образом отличалась от мужской, но это не означает, что фронтир – преимущественно мужская история в силу своей сложности и опасности. Напротив, белые женщины сыграли значительную роль в освоении Дикого Запада. Очень интересно, что часто женщина следовала модели мужского поведения, копируя их, подражая им и даже бросая им вызов. Однако значительная часть женщин старались выживать на фронтире по-женски, приспособливаясь к новым условиям, используя свои таланты и способности (прачек, пекарей, швей, актрис и т.д.). Женщины оказались много терпимее и более готовыми к культурному диалогу и принятию чуждой им культуры. Даже в случае пленения они часто предпочитали оставаться со своими похитителями, являя нам пример транскультурной регрессии.

References

1. Baker E. W. *The Devil of Great Island: witchcraft and conflict in early New England* / E. W. Baker. – N.Y. : Palgrave MacMillan, 2007.
2. Fowler W. W. *Woman on the American Frontier: a valuable and authentic history of the heroism, adventures, privations, captivities, trials, and noble lives and deaths of the «pioneer mothers of the Republic»* / W. W. Fowler. – Detroit : Gale, 1974.
3. Furbee M. R. *Outrageous Women of the American Frontier* / M. R. Furbee. – N.Y. : John Wiley & Sons, 2002.
4. Geis G. *A Trial of Witches: a seventeenth-century witchcraft prosecution* / G. Geis. – N.Y., 1997.
5. Jeffrey J. R. *Frontier Women: The Trans-Mississippi West, 1840–1880* / J. Jeffrey. – N.Y. : Hill and Wang, 1979.
6. Luchetti C. *Women of the West* / C. Luchetti. – St. George, Utah : Antelope Island Press, 1982.
7. Miller S. C. *A sweet, separate intimacy: women writers of the American frontier, 1800–1922* / S. Miller. – University of Utah Press, 2000.
8. Myres S. L. *Westering Women and the Frontier Experience, 1800–1915: Histories of the American Frontier* / S. L. Myres. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1986.
9. Peavy L. S. *Pioneer Women: The Lives of Women on the Frontier* / L. S. Peavy, U. Smith. – Norman, Oklahoma : University of Oklahoma Press, 1996.
10. Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History* / F. J. Turner. – Readex Microprint, 1893.
11. Westerkamp M. J. *Women and Religion in Early America, 1600–1850. The Puritan and Evangelical Traditions* / M. J. Westerkamp. – N.Y., 2005.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ КАСПИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Анализ региональной культурной модели нацеливает на изучение глубинных возможностей региона, который становится основным действующим фактором в пространстве глобализирующегося мира. Каспийское море сегодня – это важная геополитическая, экономическая, экологическая, культурная зона, природная граница между Европой и Азией. Здесь создается новое региональное образование, где причудливо переплетаются культура и интересы многих народов, вынужденных искать способ не сталкивать свои интересы друг с другом, а взаимодействовать.

Ключевые слова: регионализм, региональная культурная модель, Каспийский регион, Каспийская «пятерка», «Каспийская идеология»

THE FORMATION OF REGIONAL CULTURAL MODEL OF THE CASPIAN AREA

Khlysheva Elena V., Ph.D. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: culture_mar@mail.ru

This article gives the analysis of the regional cultural model in order to study the deepest capacity of the region, which becomes the main effective factor in the space of a globalizing world. Caspian Sea today – is an important geopolitical, economic, ecological, cultural zone, the natural boundary between Europe and Asia. This creates a new regional grouping, where cultures and interests of many people intertwine and provide them to find a way to interact with each other and never to push their interests.

Keywords: regionalism, regional cultural model, the Caspian region, the Caspian "five", "Caspian ideology"

¹ Статья выполнена при поддержке Минобр., проект № 6.2147.2011 «Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия».